

**ЛАУРЕАТЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПРЕМИИ РСФСР
1987 ГОДА**

Без энтузиазма я воспринял в свое время и сообщение об опере Кирилла Волкова «Живи и помни». Мне казалось, что замечательная повесть Распутина и опера несовместимы. И вдруг произошло нечто невероятное. В Камерном музыкальном театре Б. А. Покровского услышал музыку, которая удивительно точно передавала дух и трагическое настроение распутинской повести. Никакой стилизации распутинского текста. Язык писателя был полностью сохранен.

За оперу «Живи и помни» и кантаты для смешанного хора без сопровождения «Тихая моя Родина» и «Слово» на стихи из «Слова о полку Игореве» композитор Кирилл Волков удостоен Государственной премии РСФСР имени М. Глинки 1987 года.

только должен родиться. Вот что прежде всего взволновало меня в повести.

В том, что образ Настены — самый главный в книге, убедили меня и встречи с Распутиным.

Остро звучит в повести и проблема выбора.

Когда опера была написана, я услышал немало опасений в том, поймут ли ее содержание в других странах. Меня убеждали в том, что проблемы, поднятые Распутиным, волнуют только нас, а за рубежом зрителям будет неясно, почему люди страдают, и в образе Гуськова они могут увидеть пацифиста. Но вот опера уже несколько раз ставилась в ГДР. И знаете, что больше всего заинтересовало немецких постановщиков? Проблема отступничества и внутреннего дезертирства. Они считают отступниче-

самого начала меня волновало главным образом народное музыкальное искусство. Примером служили творческие биографии Н. Я. Мясковского и С. С. Прокофьева. Это были композиторы, которые искали свою манеру высказывания не в бесконечных сменах направлений, а в последовательном развитии классических традиций. Оглядываясь на их творческий путь, я думал: если и метаться, то мыслью, а не пером. Мне интересно было открывать и вокальное, и менее известное инструментальное народное творчество, и культовую русскую музыку... Все, что делал в музыке, я поверял тогда шедеврами народного искусства. Вот почему рано или поздно моя творческая работа должна была пересечься с литературой.

читателей Теркин — весельчак, природный балагур, человек без царя в голове. Но это не так. Перечитайте Твардовского, и вы увидите, что Теркин — это человек, который, преодолевая трудности военного быта, чувствует себя ответственным за все, что происходит. Он считает себя обязанным отвлекать товарищей от военных лишений. Теркин — это трагическая и героическая личность.

Тема ответственности, которая впоследствии появится и у Распутина, выявлена в этом образе очень сильно. Только у Распутина эта тема будет раскрыта уже в другой ситуации.

Вообще, когда читаешь Твардовского, находишь много таких мыслей, которые потом будут развиты прозаиками. Вспомним «Дом у до-

жизни нашего общества. И вдруг в какой-то момент я представил, что Сошнин мог стать Георгием Победоносцем, и вся его жизнь зрительно сложилась.

Сошнин проходит все круги страдания, прежде чем он возмущается и становится творцом, начинает видеть жизнь как художник.

Я даже название опере

Кирилл ВОЛКОВ:

«ХОЧЕТСЯ ОТРАЗИТЬ СТРАСТИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Всегда с большой настороженностью относился к операм, написанным по книгам современных прозаиков. Может, потому, что однажды обжегся. Уже было раз, когда послушал оперу по повести одного известного писателя и долго потом не мог вернуться к его книгам. Виноват, видимо, был и автор либретто, неудачно зарифмовавший хорошую прозу. Никак не выражала характера героя и музыка.

С разговора об опере и началась наша беседа. Спрашиваю Кирилла Евгеньевича, что побудило его обратиться к повести Распутина.

— Повесть «Живи и помни» потрясла при первом же чтении. Что я увидел в ней оперного? Острую эмоциональную ситуацию, накал человеческих страстей, крупные личности. Поразили мощно выписанные фигуры главных героев. Особенно взволновал образ Настены.

В Настене я увидел продолжение галереи женских образов, уже созданной в русской прозе. Увидел в ней какое-то духовное родство с героинями Достоевского, хотя у Достоевского нет крестьянок, но у него почти все женские образы необыкновенно сострадающие, очень чувствующие боль другого человека. Это сострадание, как я считаю, и есть высшая человеческая черта. Она, быть может, и является самой ценной и определяющей в нашей жизни.

Распутин прекрасно выразил через образ Настены идею ответственности за близкого тебе человека. Никогда, чтобы не загрязнить душу, нельзя отринуть человека, оставив его без внимания, как бы он ни упал.

В повести «Живи и помни» необычайно остро и пронзительно звучит нота высочайшей нравственности героини. Мучительно чувствуя дисгармонию души и природы, она на все реагирует с болью, как-то пытается и душу свою привести в согласие с окружающим миром, и спасти душу любимого человека, и заранее думать о душе ребенка, который

ство распространенным явлением. По их мнению, жизнь проходит сейчас в борениях идей, в столкновении интересов. Человек каждый день стоит перед проблемой: включиться ему в борьбу, что-то отстаивать или подождать. Эта война происходит все время. И дезертиров, которые отходят в сторону и ожидают, чем все закончится, не так уж мало.

Эти люди постепенно деградируют. Происходит перерождение личности. Но этот процесс затрагивает не только их самих. Он имеет отношение и к их близким, особенно к тем, кто любит отступников, не отстраняется от дезертиров. Причем на близких борьба идей отражается в гораздо большей степени, чем на дезертирах. Так ломаются судьбы, так люди нередко приходят к духовному краху.

Естественно, проблема выбора меня тоже очень интересовала. Но музыка должна из чего-то истекать. И лично для меня тема дезертирства не могла стать внутренним толчком. В опере прежде всего я шел от образа Настены, от картин природы, тайги, Ангара, от картин сибирской деревни.

— А начинался ваш композиторский путь с увлечения фольклором. Так?

— Больше того, именно фольклор во многом помог открыть мне современную литературу.

Не знаю, к сожалению или к счастью, но я, хотя и слушал музыку всех течений и изучал партитуры модных композиторов, каких-то обильных увлечений различными новациями избежал. С

У Абрамова, Астафьева, Белова, Носова, Распутина я обнаружил то, что неосознанно чувствовал сам. Их книги стали для меня необходимы.

Интерес к фольклору и к литературе подтолкнул меня к первой опере «Мужичий сказ». Она создавалась по мотивам повести Лидии Сейфуллиной. Мне хотелось написать ее в традициях архаичного искусства.

— Сейчас вы — автор пяти опер. Но на сцене поставлены только три: «Мужичий сказ», «Живи и помни» и «Наш Гайдар». Какие оперы не поставлены?

— Опера по произведению чешского писателя Йозефа Казнана Тыла и «Теркин, Теркин...».

— Почему?

— В начале 80-х годов мне предложили сотрудничать с Днепропетровским театром оперы и балета. Я тогда собирался писать оперу по «Усыятским племеносцам» Носова. Параллельно хотелось заняться «Словом о полку Игореве». Но театр настойчиво просил обратиться к творчеству Твардовского. Честно говоря, я долго колебался. А когда вчитался в Твардовского, то увидел, что можно написать музыку по-новому, не деля из Теркина опереточного героя.

Но оперу за день не написать. Здесь необходимо несколько лет. А в периферийных театрах за это время трижды руководство сменяется. Со мной вел переговоры один худрук, а оперу я показывал уже другому. Но беда не только в непрерывной чехарде с руководящими кадрами театров. Каждый новый руководитель считает своим долгом не выполнять обещания своих предшественников. Вот ведь что еще обидно.

Опера «Теркин, Теркин...» во многом продолжает идеи «Живи и помни». В ней также выражена прежде всего идея ответственности за другого человека. В опере использованы поэмы Твардовского «Василий Теркин», «Дом у дороги» и некоторые стихи поэта.

В представлении многих

роги». После вступления Твардовский рассказывает о том, как перед самой войной косили. Похожую ситуацию встречаем и в начале повести «Усыятские племеносцы» Носова. Это не случайно. Твардовский — он, как я считаю, предтеча многих мотивов и идей современной русской прозы.

Возможно, кому-то покажется странным, но мне в поэзии Твардовского близка не музыкальность, как скажем, в поэзии Тютчева или Рубцова. На мой взгляд, Твардовский в какой-то степени многословен, что для музыки не совсем хорошо. Музыка сама по себе растягивает слова по времени. Мне интересны и близки сами мысли поэта.

Оперу «Теркин, Теркин...» я построил из двух актов. Первый — «Переправа». Переправа от войны к миру, от смерти к жизни. А основу второго акта составила глава «Смерть и воин» из «Василия Теркина». Этот акт построен на споре воина со смертью.

История с оперой принесла и печальные открытия. К сожалению, далеко не все знают у нас творчество Твардовского. Когда я показывал оперу, в Днепропетровском театре сказали: надо убрать мистику. Напрасно я объяснял, что мистические мотивы мною не выдуманы, они присутствуют в главе «Смерть и воин». Не помогало. Такое впечатление, будто никто в театре никогда не открывал томика Твардовского.

— Я слышал, что вы пишете сейчас оперу по «Печальному детективу» Астафьева. Это правда?

— Надеюсь вскоре закончить вечерний первый акт.

Когда я читал «Печальный детектив», я по инерции ждал того, что получал от чтения прежних книг Астафьева. Может, поэтому сначала испытал некоторое разочарование от прозаизмов и некоего натурализма. Но в то же время был рад, что писатель так смело взялся за обнажение социальных язв в

придумал: «Житие лейтенанта Сошнина». Мне хочется отразить страсти русского человека в современном мире.

— Можно только позавидовать вашей преданности оперному жанру. Но вот в последнее время нередко можно услышать разговоры о том, нужна ли в современных условиях опера или нет. Вас не смущают эти разговоры?

— Все эти разговоры свидетельствуют о кризисе современной музыкальной жизни и о попытках поставить культуру на службу развлекательной индустрии.

Лично для меня нет предмета спора. Опера, конечно же, нужна.

— Лично мне, Кирилл Евгеньевич, очень близки ваши романы на стихи Николая Рубцова. Как вы открыли для себя этого поэта?

— Произошло это лет пятнадцать назад. Можно сказать, случайно. В Малом театре ставили пьесу Салынского «Летние прогулки». Режиссер попросил написать музыку на стихи не известного мне поэта Николая Рубцова. Я пошел в Ленинку. Разыскал все сборники поэта. Их оказалось совсем немного. Знаете, что меня поразило: какая-то щемящая нота. При чтении Рубцова у меня возникало состояние, которое обычно испытываю, когда слушаю кантаты Танеева или некоторые темы Мясковского: вижу краски осени, бесконечную дорогу, путника...

Рубцов — удивительно современный поэт. Сейчас народ встрепенулся по поводу ушедшего. Вдруг забеспокоился о связи времен, что-то хочет задержать, сохранить. Стали все вспоминать с ностальгической нотой. Рубцов еще лет двадцать назад всем этим болел, обо всем этом думал, писал. Он написал необыкновенно смело и просто, не боясь упреков в архаичности и доморощенности.

Беседу вел
Вячеслав ОГРЫЗКО.

Если человечество станет глухим и слепым к нетинной музыке и высокой литературе, то я не верю в возможность его выживания...

Кирилл Волков

